

К.Г.Гордович

ТРАДИЦИЯ ОТКРЫТЫХ ФИНАЛОВ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ

Прослеживается на ряде примеров, как современные авторы используют прием сознательной незавершенности сюжета, как акцентируют внимание читателя на непредсказуемости продолжения сюжетных линий. Рассматриваются финальные эпизоды романов Г.Яхиной «Зулейха открывает глаза» и Е.Водолазкина «Авиатор», обрывающиеся в самые напряженные моменты повествования. В книгах Б.Екимова «Пиночет» и М.Сухачева «Исповедь летчика-истребителя» писатели расстаются со своими героями на пороге нового поворота жизни, передавая читателю и веру в человека, и тревогу за его судьбу. В произведениях Л.Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» и А.Чудакова «Ложится мгла на старые ступени», завершающихся смертью центральных персонажей, выявляется тот смысл образов, который позволяет воспринимать финал как утверждение нравственной победы героя.

Ключевые слова: открытость, незавершенность, непредсказуемость, напряженность

Открытые финалы — одна из характерных особенностей русской классической литературы. В 2014 году в Екатеринбурге вышла монография под редакцией Т.Снегиревой и А.Подчиненова, специально посвященная этой проблеме, — «Феномен незавершенного».

В качестве одного из примеров русской классики можно рассмотреть произведения А.П.Чехова. Берусь утверждать, что незавершенность сюжетов, непредсказуемость продолжения — одна из особенностей поэтики Чехова. Интересны в этом плане рассказы с трагическими концовками («Ванька», «Спать хочется»). Сила эмоционального воздействия подобных финалов именно в их незавершенности, обрыве повествования до развязки.

Интересны финалы, в которых принципиально значимо отсутствие поступка, действия («Учитель словесности», «Дом с мезонином»). Подмена поступка героя настроением обнаруживает авторское отношение.

Возможен и сознательный уход от какого-либо финала. Так в «Даме с собачкой» отсутствие завершающей сюжетной коллизии важно, чтобы расширить смысл произведения, не сводить его только к конкретному решению семейных обязанностей и любовных связей. Именно поэтому в финале не конец отношений, а перспектива перехода их в новое качество.

Чеховская фраза «никто не знал настоящей правды» — ключевая не только при интерпретации характеров героев, но и общих принципов завершения сюжетных коллизий.

Задача данной работы — посмотреть, насколько в современных произведениях продолжается традиция «открытых» финалов, выявить случаи сознательной незавершенности повествования и не столь очевидной, но объективно существующей, понимаемой в ходе интерпретации.

Книга Г.Яхиной «Зулейха открывает глаза» повествует о жизни героини сначала в семье, потом (после раскулачивания и смерти мужа) на длительном этапе, затем в лагере переселенцев. Как бы ни относилась Зулейха к свекрови, как бы ни был несправедлив ее муж, — она была готова все терпеть. Смирение и покорность кажутся ее главной особенностью. Но автор по ходу развития сюжета показывает, как открываются ее глаза на окружающий мир. Как становится она равноправным членом артели, охотницей, матерью.

Не один раз на ее пути оказывается Игнатов — начальник для всех ссыльных сначала в эшелоне, потом в лагере. Для нее он еще и убийца мужа. Но ему в ее жизни уготованы и другие роли, в том числе и спасителя, и любовника. Она сумела преодолеть страх перед ним и пережить те чувства, которые явно были невозможны в ее семье. И вот финал книги: после ухода сына, практически усыновленного Игнатовым (документ о рождении), Зулейха и Иван с разных сторон выходят на поляну и видят друг друга: «Он вдруг поймет, как постарел: потерявшие зоркость глаза не смогут различить ни морщин на лице Зулейхи, ни седины в ее волосах. А она почувствует, что заполнившая мир боль не ушла, но дала ей вдохнуть» [1, с. 504]. На этом повествование обрывается.

Читатель хотел бы продолжения, какой-то определенности, связи с реальной жизнью. Но писателем создан художественный образ. Его можно только испортить конкретикой. Важно, что в нем открылось, обнаружилось в плане духовных возможностей. Перевод в житейский план слов и поступков не нужен принципиально.

Сюжет романа Е.Водолазкина «Авиатор» включает фантастическую историю о «размороженном» человеке, очнувшись через семьдесят лет в новой стране, соответственно переживающем новый поворот своей судьбы.

Три реальности — дореволюционная, советская и постсоветская — воспроизводятся в деталях на страницах книги. Две — в памяти героя, третья — в его сегодняшнем существовании. Главное, очевидно, не столько в конкретных особенностях каждой, сколько в мировидении, мироощущении.

У героя на глазах читателя восстанавливается память, он возвращается к жизни. В дневниковых записях, которые он ведет по просьбе врача, чередуется ожившее прошлое и настоящее. Может быть, большей проблемой, чем память о прошлом, оказывается осознание своего «выпадения» из времени: «А мне как раз моя

колея не нравится. Какая-то кривая, прерывистая — где она столько лет петляла? И главное куда ведет? В ту странную жизнь, которую вижу по телевизору? Эта жизнь меня пока не увлекает» [2, с. 93]; «... не мое это время, не родное, я это чувствую и не могу с этим временем сблизиться» [2, с. 274].

Платонову дана возможность увидеть двух представителей его времени — любимую женщину, правда, в возрасте 93 лет и уже не узнающую окружающих, и одного из мира палачей — своего начальника на Соловках, который в самом начале встречи предупреждает, что от него не надо ждать покаяния. Центр смещается на самого себя — на свое знание прошлого и понимание его значения для настоящего: «Живущие в том времени еще не знали, о чем свидетельствовать перед потомками, не знали, что именно спустя десятилетия пригодится. А я знаю» [2, с. 287].

Это осознание совершается и, тем самым, исчерпывает возможности фантастического сюжета.

Показавшийся удачным эксперимент обречен — и российские и немецкие врачи признали безнадежность ситуации, неизбежность смерти. Повествование заканчивается неоднократными попытками самолета, летящего из Германии, совершить посадку без шасси. Автор уходит от определенности финала — мы не видим ни смерти героя на больничной койке, ни авиакатастрофы. Реальное развитие событий в данном случае могло бы только повредить общему впечатлению и общему смыслу.

Теперь обратимся к произведениям (вполне реалистическим), в которых повествуется о непростой судьбе героя, и именно судьба становится основой сюжета. Одно из таких произведений — повесть Б.Екимова «Пиночет». Писатель рисует характер, безусловно, сильный и, безусловно, современный. Коротин, давший слово умирающему отцу, пытается спасти дело его жизни — колхозное хозяйство. Противостоять приходится и обстоятельствам, и людям, готовым все разграбить и разворовать. Кличку «Пиночет» дали ему именно они.

Екимов не преувеличивает побед и достижений героя, не смягчает остроты конфликта, в который тот «влез», идя против «своих», пытаясь справиться с ситуацией, когда «никому ничего не надо, никто ничего не знает, никто ни за что не отвечает» [3, с. 17].

Внимание читателя переключается на судьбу самого председателя. Мы на него смотрим глазами любящей сестры. Вместе с ней хочется остановить его, уберечь: «Зачем, зачем ты туда вернулся, братушка...» [3, с. 83]. Этими тревожными словами и заканчивается повесть. Но в очевидно открытом финале сочетается и обоснованная тревога за жизнь героя, и уважение к нему — не сдался, не испугался трудностей.

В этом же ряду рассмотрим автобиографическую книгу М.Сухачева «Исповедь летчика-истребителя». Герой рассказывает о себе и людях, связавших жизнь с авиацией, не только о достижениях и победах, но о трагедиях, страхе, риске, счастливых случайностях, гибели друзей. Читатель разделяет напряжение повествователя при его столкновениях с равнодушием тех, кто мог оставаться спокойным, когда гибли люди.

Книга-исповедь завершается тем «зигзагом судьбы», когда генерал авиации стоит около больничной койки на протезах. Профессор говорит ему не о терпении, не о примирении со случившимся, а о продолжении жизни — новой работе, поскольку «бывших летчиков не бывает» [4, с. 298]. И читатель воспринимает это не как красивую фразу опытного врача, а как логическое развитие характера автобиографического героя и его жизненной позиции. Видимая незавершенность, «открытость» финала сочетается с верой в героя.

Теперь обратимся к произведениям, в которых финал вполне определенный, можно сказать «закрытый» — смерть главного героя повествования. Первое из таких произведений — роман Л.Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик». В истории жизни Даниэля и служба в гестапо, когда он смог вывести из гетто к партизанам три сотни обреченных на смерть евреев, и его служение в церкви, создание общины.

Главный смысл отнюдь не в событиях, а в человеческих отношениях и, прежде всего, в удивительной (вопреки реальным обстоятельствам) вере Даниэля в добро. Если оценивать лишь формальные результаты, то итог жизни героя может показаться очень даже грустным: ведение службы запретили, община распалась.

Вместе с тем, смысл финала отнюдь не в признании поражения, а скорее наоборот. Не случайно автор, завершая каждую часть повествования своим личным письмом, в окончательном финале в таком письме подробно рассказывает про свой сон и чудесное пробуждение: «...И как только я поняла, что он ушел непобежденным, я проснулась. Было уже утро, от вчерашнего вечера меня отделяло не восемь часов сна, а огромное время пришедшего совершенно незаслуженного знания. Какого — не могу точно высказать. Что-то я знаю о победе и поражении, чего прежде не знала. Об их относительности, временности, переменчивости» [5, с. 515].

Победа может быть подтверждена не только событиями и фактами, но человеческими отношениями, памятью, тем переосмыслением жизни, которое начинается на наших глазах. Можно, пожалуй, говорить о финале этой книги как об «открытом».

Соотносится по особенностям финала с книгой Улицкой роман-идиллия А.Чудакова «Ложится мгла на старые ступени». Главный герой повествования — дед автобиографического героя Антона, глава большой семьи. Сюжет включает много самых разных историй и много персонажей, но именно дед был центром, стержнем.

Последняя глава называется «И все они умерли». Но в ней рассказывается не только и не столько о трагедии ухода старшего поколения. Очевидно, не случайно, хотя были для этого и формальные причины, Антон на похороны опоздал. Поэтому рассказ ведется не о самом прощании и похоронах, а о приезде Антона, его посещении кладбища, вечерних воспоминаниях.

Важнее всего — не передать боль утраты (слова бессильны это сделать), а еще раз для самого себя осмыслить, кем и каким был ушедший. Антон вступает в мысленный диалог с дедом, ему обязательно надо что-то договорить, в чем-то убедить и его и себя: «Как, наверно, огорчался дед, что его внук поддался советскому вранью. Дед, я не поддался! Ты слышишь меня? Я ненавижу, я люблю то же, что и ты. Ты был прав во всем!» [6, с. 493-494]. Антон выпрашивает у тех, кто был рядом, о последних словах деда. Узнает, что и как тот говорил о нем, как признавался в отсутствии христианского чувства и прощения к новой власти.

Смерть деда воспринимается не только как естественный и неизбежный уход старшего поколения, но как подтверждение их силы и правоты. Потому и звучит в финале обещание быть верным полученным жизненным урокам. Это позволяет подключить роман к книгам с открытыми финалами.

Использование открытых финалов, как убеждаемся, достаточно частый художественный прием в современной прозе. В очевидной незавершенности сюжета проявляется авторская позиция. В ряде случаев можно говорить о неоднозначности смысла финала, о переключении акцента на возможность продолжения.

1. Яхина Г. Зулейха открывает глаза. М.: АСТ, 2016. 508 с.
2. Водолазкин Е. Авиатор. М.: АСТ, 2016. 416 с.
3. Екимов Б. Пиночет. М.: Вагриус, 2000. 412 с.
4. Сухачев М. Исповедь летчика-истребителя. М.: ОАО «Окр. газеты Юго-Западного адм. Округа», 2011. 298 с.
5. Улицкая Л. Даниэль Штайн, переводчик. М.: Эксмо, 2006. 528 с.
6. Чудаков А. Ложится мгла на старые ступени. М.: Время, 2012. 640 с.

References

1. Yakhina G. Zuleykha otkryvaet glaza [Zuleikha Opens Her Eyes]. Moscow, 2016. 508 p.
2. Vodolazkin E. Aviator [Aviator]. Moscow, 2016. 416 p.
3. Ekimov B. Pinochet [Pinochet]. Moscow, 2000. 412 p.
4. Sukhachev M. Ispoved' letchika-istrebitelya [The Confession of a Fighter-Pilot]. Moscow, 2011. 298 p.
5. Ulitskaya L. Daniehl' Shtayn, perevodchik [Daniel Stein, the Translator]. Moscow, 2006. 528 p.
6. Chudakov A. Lozhitsya mгла na starye stupeni [A Gloom is Cast Upon the Ancient Steps]. Moscow, 2012. 640 p.

Gordovich K.D. The tradition of open endings in contemporary Russian prose. This paper considers a range of examples of how contemporary authors use the tool of deliberate incompleteness of the narrative, and how they draw the reader's attention to the unpredictability of narrative continuation. This paper focuses on the finales of G.Yakhnina's "Zuleikha Opens Her Eyes" and M.Sukhachev's "Aviator", which break off at the most tense moments of the narrative. In B.Ekimov's "Pinochet" and M.Sukhachev's "The Confession of a Fighter-Pilot" the authors leave their characters on the threshold of a new stage of life, transmitting to the reader both the trust in the persons, and the worry for their fate. In L.Ulitskaya's "Daniel Stein, the Translator" and A.Chudakov's "A Gloom is Cast Upon the Ancient Steps", which end with the death of the central characters, such a meaning of the figures is revealed that the finale can be seen as an affirmation of the characters' moral victory.

Keywords: openness, incompleteness, unpredictability, intensity.

Сведения об авторе. К.Д.Гордович — доктор филологических наук, профессор кафедры книгоиздания и книжной торговли, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, Высшая школа печати и медиатехнологий, Санкт-Петербург, grdvkda@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.10.2018.